

В. А. ФИЛИМОНОВ

Н. И. КАРЕЕВ и М. С. КОРЕЛИН КОММУНИКАЦИЯ В РАМКАХ ГРЕКО-РИМСКОГО ДИСКУРСА

«Антропологический поворот» и персонализация предмета истории как знаковые тенденции последних десятилетий, вызвали к жизни жанр интеллектуальной биографии, понимаемой научным сообществом как «синтез биографического, текстурального и социокультурного анализа». Такой интегральный подход делает целесобразным развернутое исследование среды, в которой формируется и развивается мировоззрение, а также протекает научная деятельность объекта исследования. Предпринятый в настоящей статье анализ взаимоотношений выдающихся российских историков Н.И. Кареева и М.С. Корелина расширяет представления о вкладе обоих ученых в развитие отечественного антиковедения. Многообразие выявленных коммуникативных практик позволяет воспроизвести социокультурный контекст генезиса, трансмиссии, диффузии и бытования идей.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, М.С. Корелин, научная коммуникация, русская историография античности.

«Антропологический поворот» и персонализация предмета истории как знаковые тенденции последних десятилетий, вызвали к жизни жанр интеллектуальной биографии, понимаемой научным сообществом как «синтез биографического, текстурального и социокультурного анализа»¹. Последний пункт указанной триады предполагает, в том числе, и анализ среды, в рамках которой формируется и развивается мировоззрение, а также протекает научная деятельность объекта исследования². Немаловажную роль играет при этом выявление и фиксация коммуникативного пространства, составными элементами которого являются совокупность субъектов взаимоотношений, коммуникативные практики, ситуация (или ситуации), которую стремятся осмыслить и понять коммуниканты, мотивы и цели, а также результаты коммуникации.

Коммуникативное пространство историков Николая Ивановича Кареева (1850–1931) и Михаила Сергеевича Корелина (1855–1899)³ представляется поистине необозримым как по субъектам, так и по типам связей. При этом линия взаимоотношений этих учеников В.И. Герье

¹ Ретина. 2011. С. 313. См. также: Идеи и люди... 2014; Слава и забвение... 2014; В тени великих... 2010.

² См.: Ретина, Мягков. 2014.

³ Из современных работ о нем см.: Сафронов. 1984; Шкуринова. 1986. Скворцова. 1993; Мягков. 2000; Тихомирова О.В. 2004.

не стала предметом специального изучения и нашей скромной задачей является реконструкция некоторых звеньев этой линии, так или иначе связанных с разработкой проблем греко-римской истории.

Известно, что на протяжении долгих лет историки были связаны узами крепкой дружбы. Вспоминая об этом, Кареев писал: «с Корелиным у меня завязалась тесная дружба, не прекращавшаяся до самой его преждевременной смерти»⁴. В другом месте он уточнял время начала коммуникации: «Когда мы виделись в последний раз, всего за полтора месяца до его кончины, мы вспомнили, между прочим, что на предстоявших святках с девяносто восьмого на девяносто девятый год должно было исполниться двадцать пять лет со времени нашей первой встречи, – “наш юбилей”, как мы шутя говорили. <...> С зимы 1873–74 гг. я стал часто видаться с гимназистом Корелиным»⁵. В сохранившихся воспоминаниях вдовы московского историка Н.П. Корелиной⁶ указаны некоторые подробности общения Н.И. Кареева и М.С. Корелина: «Первое знакомство мое с Н.И. произошло весной 1876 г. Обыкновенно с начала мая, как только устанавливалась хорошая погода, фешенебельное общество Москвы начинало свои прогулки по Пречистенскому бульвару. В один из таких вечеров товарищ моих братьев Михаил Сергеевич Корелин (впоследствии мой муж) подвел ко мне своего приятеля Н.И. Кареева, в то время учителя 3-й гимназии. <...> На этих же прогулках с Н.И. и М.С. происходили бесконечные, горячие споры о категорическом императиве. Эти споры продолжались летом в письмах, которые представляли из себя целые тетрадки»⁷.

Как историк М.С. Корелин известен, прежде всего, своими исследованиями по эпохе Возрождения, однако в его интеллектуальной биографии присутствует значительная антиковедческая составляющая, оставшаяся вне сферы интересов отечественных исследователей⁸. В свя-

⁴ Кареев. 1990. С. 136. Ср.: «Еще будучи гимназистом, Корелин познакомился с человеком, который не прочь был именоваться его учителем, но на самом деле стал старшим другом, самым внимательным и снисходительным критиком его сочинений и остался верен памяти Михаила Сергеевича до конца своих дней. Это Николай Иванович Кареев, утверждавший, что о значении Ренессанса Корелин, ученик 8-го класса, узнал из его статьи "Что такое Возрождение?"» (Скворцова 2006. [Электронный ресурс]). На самом деле упомянутая в тексте статья Кареева называется по-другому: См.: Кареев. 1875.

⁵ Кареев. 1900б. С. 101.

⁶ См.: Корелина. 1931. Оpubл.: Корелина. 2008.

⁷ Корелина. 2008. С. 427.

⁸ Так, Корелину (в отличие от Кареева) не нашлось места ни в «Русской науке об античности» Э.Д. Фролова, ни в «Историографии античной истории»

зи с этим своевременным представляется составить краткую справку деятельности историка на этом поприще, соединив ее с анализом взаимоотношений с Н.И. Кареевым.

В 1876 г. после окончания 1-й московской гимназии Корелин поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Несмотря на то, что курс, с которым учился будущий историк, был «самый многочисленный и выдающийся по составу в те годы», В.И. Герье отмечает, что «среди товарищей Корелин с первого же года обратил на себя внимание своих преподавателей»⁹. Выбрав в качестве научного поприща историю Корелин понимал задачи этой науки очень широко «и был во всяком случае далек от того, чтобы замыкать ее *теоретически* в какие-либо узкие рамки, но *лично* он более интересовался не политикой, правом или экономией, а религиозными верованиями и моральными мирозерцаниями, литературой и искусством, как свидетельствуют об этом и напечатанные им труды и читанные курсы»¹⁰. На III и IV курсах будущий профессор занимался в семинарии В.И. Герье, тогда же он прослушал единственный московский университетский курс Н.И. Кареева по истории XIX века¹¹. Во время учебы Корелин был непременно участником домашнего семинара Герье, «в работе которого (семинара – В.Ф.) принимали участие как корифеи университетской науки (например, В.О. Ключевский), так и старшие ученики Герье (например, Н.И. Кареев)»¹².

По окончании Московского университета в 1880 г. Корелин был рекомендован своим научным руководителем В.И. Герье к оставлению для приготовления к профессорскому званию¹³. Параллельно с подготовкой к магистерскому экзамену он преподавал историю искусств в высших классах Московской консерватории и всеобщую историю в

В.И. Кузищина. Краткий анализ его трудов по древней (восточной и античной) истории см.: *Мягков*. 2000. С. 140-141.

⁹ Герье. 1900б. С. 468.

¹⁰ Кареев. 1900б. С. 102.

¹¹ «Слушателей у меня было довольно много, – вспоминал Кареев, – в их числе мой приятель Корелин, тогда еще студент...» (*Кареев*. 1990. С. 141.). В другом месте Кареев отмечал: «Первый год его студенчества был первым годом моего преподавания с университетской кафедры, и это еще более нас сблизило» (*Кареев*. 1900б. С. 102).

¹² Письма М.С. Корелина В.И. Герье. 2005. С. 299.

¹³ О взаимоотношениях учителя и ученика элегантно высказался Н.И. Кареев: «Корелина я бы назвал *enfant chéri* Герье, с самого начала при своем счастливом характере сошедшимся с учителем и оставшимся в самых дружеских отношениях к нему до самой своей ранней смерти» (*Кареев*. 1922. С. 161).

гимназических классах Лазаревского института и на Высших Женских Курсах, где, по словам курсистки Софьи Тимоновой (урожд. Коссовской) отличался «огромной эрудицией и несомненной талантливостью»¹⁴. На Курсах в 1881/82 и в 1884/85 ак. г. Корелин читал историю древнего Востока (в осенних семестрах) и Греции (в весенних). По словам Герье, составление полноценного курса по истории Греции представляло для Корелина известную трудность, «так как он такого курса в университете не слушал и должен был выработать для него собственную программу»¹⁵. Корелин в письме к Герье от 27 июля 1881 г. указывал на трудности, возникшие в связи с подготовкой этого курса: «Наиболее времени отнимает у меня, конечно, Греция вообще и курсовая программа, мне никак не удалось построить курс, который по единству и систематичности изложения напоминает Ваш курс о переходе Римской республики в империю...»¹⁶.

Подобные мысли высказывал Корелин и в письме Карееву (который, напомним, тоже в это время был озабочен разработкой курса по греко-римской истории в Варшавском университете) от 9 мая 1881 г.: «Строго говоря, всемирно-историческое значение имеет в греческой истории только ее культурная сторона. Политические и социальные условия погибли вместе с нацией, но разве можно игнорировать их при изложении? Ход цивилизации отдельного народа поучителен не только вследствие так сказать исторического переселения душ; выясняя классические основы нашей цивилизации, мы содействуем только пониманию современности, как законченного процесса; но кроме этого, может быть речь об общих законах развития человеческих обществ и в этом смысле греческая, как и всякая другая цивилизация, заслуживает полного самостоятельного изучения *an und für sich*. Если бы пришлось писать книгу, можно было бы соединить обе цели сочинения; но в курсе две задачи – полнота и стройность, которые по-видимому таже совместимы, как свобода и равенство. Компромисса я до сих пор не нашел; потому что в греческой жизни слишком много разнообразия и слишком трудно найти основную идею, окрашивающую весь строй цивилизации. К каким выводам пришли Вы по этому вопросу?»¹⁷ 13 мая 1881 г. Кареев, сетуя на болезнь, пишет Корелину из Варшавы: «... по греческой

¹⁴ Тимонова. 1997. С. 137-138.

¹⁵ Герье. 1900б. С. 475.

¹⁶ Письма М.С. Корелина В.И. Герье. С. 300.

¹⁷ Письмо М.С. Корелина Н.И. Карееву от 9 мая 1881 г. // НИОР РГБ. Ф. 119. К. 16. Ед. хр. 40. Л. 11 об.-12.

истории я ничего не успеваю сделать»¹⁸, а 20 июня того же года просит: «Не вышлите ли Вы мне программы Вашего курса? Я теперь сильно работаю над курсом и уже почти оканчиваю введение, рассчитанное на 10 лекций. Потом приступлю к составлению программы...»¹⁹.

Оценивая этот курс Корелина, Герье отмечал умение автора «вносить в фактическое изложение философско-исторические объяснения и общеобразовательный элемент – напр., замечания о влиянии физических условий, о значении личности, об идеях и верованиях в истории, о значении города, о восточном влиянии на Грецию и т. п.»²⁰. Во введении к лекциям Корелин выясняет физические и этнографические условия, под влиянием которых сложилась греческая национальность; семь лекций посвящены истории Востока для выяснения его влияния на Грецию; затем подробно рассматривается политический, общественный и религиозный строй архаического периода. Далее Корелин повествует о развитии государственности в Греции, рассматривает постепенную эволюцию политических учреждений в Спарте, изменение государственных форм в Афинах, борьбу аристократии и демократии и оканчивает этот раздел Пелопонесской войной. Следующий отдел – упадок греческих учреждений Корелин делит на три части: упадок язычества, кризис греческих учреждений и потеря национальной независимости, включая подробное изучение македонской монархии, и завершает курс изложением эпохи эллинизма²¹.

Сдав в 1885 г. магистерский экзамен, Корелин был командирован для научных занятий за границу, где пробыл два года (1885–1887). Зарубежная командировка прервала его работу на Женских Курсах, а в его отсутствие прием туда новых слушательниц был прекращен. Вернувшись в Москву, Корелин, должен был компенсировать недостаток средств и поэтому был вынужден взять на себя преподавание истории в частной гимназии г-жи Перепелкиной и во Второй Женской гимназии²². Подробности его работы в последней передал М.К. Любавский, бегло упоминая и о занятиях греко-римской историей: «В отделе древней истории, по свидетельству учениц, Корелин преимущественное внимание обращал на успехи восточной культуры и греческое искусство»²³

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 3. Ч. 2. Л. 137.

¹⁹ Там же. Л. 136.

²⁰ Герье. 1900б. С. 475.

²¹ См.: Корелин. 1899а.

²² Герье. 1900б. С. 477.

²³ Любавский. 1899. С. 129.

После прочтения в марте 1888 г. пробной лекции²⁴ Корелин был допущен историко-филологическим факультетом к преподаванию в Московском университете. Поводом для такого приглашения послужил отказ А.Н. Шварц от лекций по истории искусства, и именно этот предмет был временно поручен магистранту Корелину. Судя по сохранившейся литографии лекций (отметим, что впервые подобное издание было снабжено иллюстрациями), молодого приват-доцента в первую очередь интересовали общие, концептуальные вопросы. Он считал, что в искусстве отражается духовное состояние общества, и рассматривал искусство как важнейший исторический источник. Корелину важно было выяснить степень восточного влияния на Грецию, а также ответить на вопрос: «где мы должны искать колыбель нашей культуры и входят ли восточные нации в семью всемирно-исторических народов?»²⁵. Рассуждая, например, о дорической колонне, о дорическом храме, он всячески отстаивал мнение тех ученых, которые считали такую колонну «продуктом национального духа... эллинского народа», такой храм «национальным памятником эллинского духа, на который дорийцы наложили резкую печать своего племенного характера»²⁶. Корелину важно, к примеру, что «дорийцы выработали только зачатки греческого искусства... Военный лагерь, где беспощадно подавлялось всякое личное чувство гражданина, представлял собою слишком неблагоприятную среду для художественного развития, и задача усовершенствования эллинского искусства выпала на долю иониян»²⁷ и т. д. К сожалению, историку не пришлось в полной мере воспользоваться этим трудом. Кафедру истории искусства занял возвратившийся из заграничной командировки проф.И.В. Цветаев и со следующего года Корелин был избран факультетом на место третьего преподавателя (после Герье и Виноградова) на кафедру всеобщей истории.

С 1886 г. (когда был прекращен прием на курсы Герье) в Политехническом музее началось чтение «общедоступных лекций» для женщин, организованное систематически по десяти отдельным циклам (по десять

²⁴ См.: *Корелин*. 1889. Ю.М. Каган указывает, что пробная лекция Корелина называлась «Значение религиозного элемента в истории Греции». (См.: *Каган*. 1987. С. 88).

²⁵ *Корелин*. 1899б. С. 86.

²⁶ Там же. С. 184, 191. Ср.: «Афинский Парфенон, кроме аттического духа Перикловой эпохи, отражает на себе и общеэллинский дух, одинаково свойственный и утонченным афинянам, и какому-нибудь полудикому эпироту» (*Корелин*. 1889. С. 69).

²⁷ *Корелин*. 1899б. С. 206, 207.

лекций в каждом). В основном лекции читали те же профессора, что работали перед тем на курсах и проходили они в тех же помещениях. Курс «Культурный кризис в Римской империи», прочитанный Корелиным в 1891/92 ак. г., был напечатан сначала в «Русской мысли»²⁸, а затем дважды переиздавался отдельной книгой, с изменением заглавия²⁹. Остановимся на этом главном антиковедческом труде Корелина чуть подробнее. Замысел такого исследования родился у историка еще в пору поиска темы для диссертационного исследования. В письме к Герье от 25 ноября 1882 г. он, перебирая возможные варианты, указывал, что «думал изучить отношение христианства к античной культуре»³⁰.

В философско-историческом введении автор формулирует главную задачу книги: «показать бессилие языческой реформы и выяснить причины победы новой религии, поскольку они заключались в психологических условиях эпохи»³¹. На эту особенность труда М.С. Корелина обратил внимание П.А. Конский: «В страшной схватке одряхлевшего язычества и христианства, Корелина интересуют не социальные, политические и экономические причины торжества христианства, а психологические условия эпохи»³². Спустя многие годы, сходную оценку дает В.П. Бузескул: «Социальные, политические и экономические причины остаются и здесь вне задачи, так как по мнению Корелина, они действовали лишь косвенно, и новая религия принималась не из-за материальных побуждений»³³.

В первой главе Корелин выявляет отличительные черты римской национальной религии (символизм в представлениях о богах, формализм в культе, и неразрывная связь с государственным строем и политической жизнью) и причины ее упадка в конце республики, объясняя религиозный кризис с одной стороны тем, что «религиозное чувство и сознание переросли мифологию и культ»³⁴, а с другой – тем, что художественная мифология греков и таинственные мистические культы Востока, проникнув в среду римского общества, подорвали традиционный культ. Политические смуты, считает автор, только усилили этот про-

²⁸ Корелин. 1892а.

²⁹ Корелин. 1895а; Корелин. 1901б. В 2005 г. петербургское издательство «Коло» осуществило переиздание книги в серии «Александрйская библиотека» (Корелин. 2005).

³⁰ Письма М.С. Корелина В.И. Герье. С. 318.

³¹ Корелин. 1901б. С. 6.

³² Конский. 1899. С. 118.

³³ Бузескул. 1931. С. 45.

³⁴ Корелин. 1901б. С. 17.

цесс, а установившаяся императорская власть, отобрав у граждан возможность заниматься общественными делами, еще более сосредоточила их интересы на религиозных и философских вопросах.

Вторая глава посвящена попытке Августа восстановить римскую национальную религию и старинные нравственные начала. Его неудачу Корелин объясняет тем, что римляне уже не находили в старом культе ни руководящих нравственных начал, ни успокоения относительно загробной жизни. Они стали искать этого в таинственных и аскетических религиях Востока, следствием чего стал религиозный синкретизм. Однако римляне хотели поклоняться «единому богу, который любил бы человека, но был бы бесконечно выше его, который стоял бы по своим свойствам недостижимо высоко, но был бы доступен в таинственном сближении путем веры и молитвы»³⁵. Этому идеалу не соответствовали ни старые языческие боги, ни распространившиеся в это время восточные культы Изиды и Митры.

В третьей главе М.С. Корелин разбирает проявления неудовлетворенности старой религией: простой римлянин желал лично совершенствоваться, борясь со страстями, а языческие культы напротив способствовали их разнудыванию. Живым отображением такого настроения умов является у Корелина характеристика императора Адриана, биография которого «показывает, что одряхлевшее язычество не давало своим адептам необходимых условий ни для счастливой жизни, ни для спокойной смерти»³⁶.

Отдельным морально-философским движениям – стоицизму, эпикуреизму, неоплатонизму и неопифагореизму, представляющим собой попытки возродить старое язычество – частью путем рационалистической очистки традиционных представлений, частью при помощи внесения в них новых этических элементов, Корелин посвящает пять следующих глав. Историк рассматривает влияние стоицизма на язычество и затем сопоставляет его с христианством. Сравнение не в пользу стоицизма, даже по отношению к его лучшим этическим идеалам: «какой смысл, – спрашивает автор, – имело стоическое учение о братстве людей, когда запрещалось любить ближнего, т. е. страдать его горем, радоваться его радостям? Братство без любви – *contradictio in adjecto*, абсурд, фраза без смысла»³⁷. В связи с этим Корелин предьявляет другой упрек стоицизму: по этому учению, надо содействовать

³⁵ Там же. С. 35.

³⁶ Там же. С. 52.

³⁷ Там же. С. 72.

людскому счастью не потому, что это благо для людей (стоики не считали счастье за благо) а потому, что этого требует личное совершенство. На первом плане в этике стоицизма «сам мудрец, а не его ближний»³⁸. И другой этический принцип стоицизма, общий ему с христианством – борьба с человеческой природой и страстями историк также подвергает критике. Он находит, что в этом отношении «стоицизм оказывал плохую услугу личности и обществу, и в том случае, когда одерживал победу и в том, когда терпел поражение»³⁹. Победа вела к высокомерию, поражение к лицемерию, особенно характерному у циников, представлявших, по мнению Корелина, большую аналогию с монашеством в эпоху его упадка. Однако в отличие от стоицизма, монашество не только обещало загробное блаженство, но и давало счастье в этом мире. Иллюстрацией этой мысли служит в пятой главе характеристика императора Марка Аврелия, «настоящего праведника умиравшего язычества, которому стоицизм отравил жизнь, но не дал душевного равновесия»⁴⁰.

Еще легче было автору доказать несостоятельность эпикуреизма (представителем которого выбран Лукиан Самосатский) в деле нравственной реформы. Таким отрицателям, заключает Корелин характеристику этого эпикурейца, «нечего проповедовать; их историческая заслуга заключается только в отрицании отжившего: общественными вождями они быть не могут потому, что общество не может жить одним отрицанием»⁴¹.

Рассмотрев учение различных неоплатоников (Плотина, Порфирия и Ямблиха), Корелин приходит к выводу, что эта школа и своей исходной точкой – необходимостью откровения, и своей конечной целью – «сблизить несовершенного человека с совершенным богом»⁴², казалась надежным основанием религиозной реформы и совпадала с христианством, но заменить новую религию была бессильна. Стоило неоплатоникам приступить к религиозной реформе, их доктрина вошла в противоречие с духовными потребностями современного ему общества.

Неопифагорейство в своем практическом направлении было, по словам Корелина, последним словом язычества в сфере моральной

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 73

⁴⁰ Там же. С. 86.

⁴¹ Там же. С. 103.

⁴² Там же. С. 118.

проповеди. Ее типом выставлен идеальный образ Аполлония Тианского, как он представлен в книге Филострата. «Мораль тианского мудреца выгодно отличалась от стоической и эпикурейской и неоплатонической; она чужда эгоистической окраски и от нее веет евангельским духом»⁴³. Последний и наивысший моральный идеал заимствован язычниками из Нового Завета, что, по мнению историка, показывает «полную неспособность язычества выйти из культурного кризиса без посторонней помощи»⁴⁴.

То, чего не могли дать античному обществу ни религиозная реформа язычества, ни философия, дало ему христианство. «Евангельская мораль, – утверждает историк, – имела прочные психологические основы, потому что опиралась на лучшие стороны человеческой природы и усиливала нравственные стимулы учением о загробном возмездии»⁴⁵. Тем не менее, учение, которое установило на земле мир, было встречено всеобщей враждой. Последние две главы Корелин посвятил объяснению причин этой вражды и ее последствий – гонений на христиан. В ненависти к христианам, поясняет историк, соединились и чернь, и власть, и интеллектуальная элита, но по разным мотивам. «Источником ненависти толпы было, как выражается автор, то суеверное невежество, которое всегда составляет главнейшую причину и ее преступлений и ее страданий»⁴⁶.

Императорская власть преследовала новую религию, руководствуясь, конечно, не народными предрассудками, а политическим расчетом. В основе гонений лежало, по словам историка, крупное недоразумение, ибо христианство было враждебно не государству, как думали гонители, а только старым языческим культам; но для римских политиков государство и религия казались «связанными неразрывно, даже сливались в одно нераздельное целое» и «торжество христианства должно повлечь за собой полное падение той религии, которую они считали основой государства»⁴⁷.

Что касается предрассудков образованной части общества по отношению к христианам, то они, утверждает Корелин, были обусловлены ее страхом за судьбу своей высокой культуры. Постепенное изменение враждебного отношения вождей христианского движения к

⁴³ Там же. С. 128.

⁴⁴ Там же. С. 137.

⁴⁵ Там же. С. 139.

⁴⁶ Там же. С. 140.

⁴⁷ Там же. С. 142, 143.

античному культурному наследию привело к тому, что в итоге новое учение осветило своим авторитетом все, что было жизненного в язычестве. «Таким образом, – подводит итог своему исследованию ученый, – устранялось последнее и самое важное препятствие для окончательной победы христианства, которое не только вывело язычников из культурного кризиса, но и сохранило от варварского истребления наилучшие результаты их культурной работы»⁴⁸.

В краткой заметке о первом издании этой книги Кареев отмечал: «Содержание этого труда проф. Корелина, рассчитанного на большую публику, – упадок древнеримской религии, новые религиозные движения в язычестве первых веков нашей эры, отношение философии к религиозным верованиям в эту эпоху с попытками реформирования последних, вражда языческого общества к христианству. <...> Книжка написана легко и читается с большим интересом, а потому нельзя не рекомендовать ее всякому, кто желает ознакомиться с историей столь важного культурного кризиса, каким представляется падение античного миросозерцания и торжество христианства. Сознательная борьба между язычеством и новой религией совершалась, как справедливо замечает автор, в культурных классах общества, где трудна была победа христианства над высокой классической культурой, бывшей результатом многовекового развития науки, искусства, философии и литературы. Поэтому г. Корелин и останавливается главным образом на истории этих классов, так как вопрос об успехах христианства среди "труждающихся и обремененных" решается, в общем, гораздо проще»⁴⁹.

В предисловии ко 2-му изданию указанного труда Корелина, вышедшего в рамках коллекции «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время», Кареев писал: «Самую компетентную оценку этого курса, вообще с сочувствием в свое время отмеченного в периодической прессе, дал проф. В.И. Герье»⁵⁰. Т.Н. Скворцова обратила внимание на то, что «в отличие от большинства историографов Герье считал лучшим трудом младшего коллеги не "Ранний итальянский гуманизм", а "Падение античного миросозерцания"»⁵¹.

Здесь следует уточнить: на самом деле В.И. Герье писал, что «курс о падении античного миросозерцания нужно признать образцовым по внешнему плану и построению. Хорошо выбранный материал,

⁴⁸ Там же. С. 169.

⁴⁹ Кареев. 1896а С. 19-20.

⁵⁰ Кареев. 1901. С. VI-VII.

⁵¹ Скворцова. 2006

симметрично расположенный в 10 лекциях и уже своим внешним расположением, и логической связью отдельных выводов отлично подготавливает читателя к пониманию и восприятию главной идеи»⁵². В другом месте В.И. Герье говорит о том, что «“Культурный кризис в Римской империи” превосходит “Историю папства” и стройностью построения, и серьезностью вложенной автором мысли – это вообще можно сказать *самое зрелое произведение* (везде курсив наш. – В. Ф.) Корелина»⁵³.

«Падение античного мирозерцания» писалось параллельно с главным трудом Корелина – магистерской диссертацией «Ранний итальянский гуманизм и его историография»⁵⁴. Сама по себе содержащая значительную антиковедческую составляющую, она, по верному замечанию Герье, в немалой степени связана с курсом о культурном кризисе Римской империи: «Он перешел к культуре римской империи от эпохи гуманизма. Идеалами этой эпохи было светское просвещение, возрождение языческой древности и освобождение человека от господства церковной власти; результатом культурного кризиса римской империи было падение античного просвещения и торжество церкви, то есть эти две исторические эпохи были противоположны по духу, целям и результатам. И, несмотря на это Корелин, как истинный историк культуры, сумел каждую из этих эпох понять в ее исторической особенности и оценить по универсальному значению ее результатов. Он понял, что торжество христианства в римской империи было не только необходимым завершением всего исторического процесса, но и благодетельным разрешением тогдашнего культурного кризиса»⁵⁵.

На это же обратил внимание и Кареев: «Михаил Сергеевич был историком-психологом. Совершенно так же, как к развитию гуманизма, отнесся он и к распространению христианства в своей книжке «Падение античного мирозерцания»⁵⁶. Большой двухтомный труд, скромно представленный Корелиным в качестве магистерской диссертации, был удостоен прямо докторской степени (первый такой случай

⁵² Герье. 1900а. С. 310.

⁵³ Герье. 1900б. С. 499.

⁵⁴ Корелин. 1892в.

⁵⁵ Герье. 1900б. С. 500.

⁵⁶ Кареев. 1900б. С. 108. На связь этих трудов Корелина указывал Б.Г. Софронов: «В основе обеих работ лежит одна и та же идея, одна и та же формула. И в том, и в другом произведениях на первом плане стоят не социальные катаклизмы, а идейный, культурный кризис. Обе работы связаны единством социального замысла». (Софронов. 1984. С. 91).

в истории Московского университета), что позволило занять «место на славной кафедре Грановского»⁵⁷, а Академия Наук присудила ему престижную премию митрополита Макария⁵⁸.

В 1892 г. Корелин осуществил еще один антиковедческий проект – редактирование перевода книги Гастона Буассье «Падение язычества». Эту работу московского профессора В.П. Бузескул прямо связывает с интересом к этой эпохе⁵⁹. По своей тематике книга французского историка перекликается с «Культурным кризисом в Римской империи» и не исключено, что изменение названия последнего на «Падение античного миросозерцания» следует объяснять ее влиянием.

В обширном предисловии, написанном в формате рецензии, Корелин отмечал: «Прежде всего, с первого взгляда поражает несоответствие заглавия книги с ее содержанием. Мы не находим в ней не только истории падения язычества, но и вообще на первом плане исследования новая религия, а не старый культ: из 18 глав сочинения 13 посвящены христианству. Но такое несоответствие обуславливается сущностью дела: в IV веке язычество уже переживало последнюю агонию, не представляющую важного исторического интереса. Падение римской национальной религии началось и прошло все стадии раньше Константина»⁶⁰. Книга, названная Корелиным «весьма желательной для русской публики» подвергнута тщательному разбору, причем редактор перевода попутно излагает и собственное видение эпохи, посредством тезисов, заявленных в «Культурном кризисе...». Не вдаваясь в подробности, которые легко узнать из самого текста предисловия, отметим только одно место: «Французские историки обладают одной особенностью, которая, к сожалению, гораздо реже встречается у исследователей других наций. Отличаясь обширной ученостью, затрагивая часто узкоспециальные вопросы, они умеют так просто и изящно обрабатывать свои темы, что делают свои произведения доступными и интересными не только для специалистов, но и для всякого образованного читателя»⁶¹. Корелин стремился придать своему труду такие же качества, что не ускользнуло от внимания одного из биографов историка: «Ряд увлекательно написанных страниц языческого религиозного движения I и II столетия, пси-

⁵⁷ Соловьев. 1913. С. 418. Описание диспута Корелина см.: Беркут. 1892. С. 191-198. Подробный разбор этой работы Корелина см.: Кареев. 1892.

⁵⁸ См.: Кареев. 1896б. С. 97-126.

⁵⁹ См.: Бузескул. 1901. С. 27.

⁶⁰ Корелин. 1892б. С. III.

⁶¹ Там же. С. XX.

хология культов, великолепные портреты Адриана, стоиков, эпикурейцев и неоплатоников делают его небольшую книжку в высшей степени поучительную, а свойственный Корелину изящный, картинный язык придают ей ту особенную прелесть, какою отличаются, например, сочинения Буасье»⁶².

Поводом для еще одной публикации по античной проблематике стало участие Корелина в работе IX Археологического съезда в Вильно в 1893 г. Значимость коммуникативного потенциала этих научных форумов для Корелина подчеркивал Герье: «особенно симпатичны были для его живой натуры перемещения съездов по главным русским городам, что давало возможность знакомства с новыми местами и людьми»⁶³. На упомянутом съезде ученый прочитал реферат о первые шаги классической археологии. Отметив важность и значение истории классической археологии, референт охарактеризовал ее направления за первое столетие ее существования, начиная с первой половины XIV в., в связи с господствовавшими тогда общественными течениями.

Главный тезис, который Корелин отстаивал в своем докладе состоял в том, что из отношения к древности в эпоху Возрождения вытек самый ранний взгляд на монументальные памятники античной старины, как на средство патриотического одушевления и политической пропаганды. Представителями этого направления историк называет Петрарку и Кола ди Риенцо, автора самого раннего описания римских достопримечательностей и первого собирателя надписей в новое время. Под влиянием взгляда на науку, как на средство морального воспитания, такое же значение гуманисты начинают приписывать памятникам античной старины. Эти воззрения Корелин обнаруживает прежде всего в трактате Поджио Браччолини «*De varietate fortunae*». С XV в. на почве всеобщего увлечения классической древностью появляются и первые научные труды в этой области. Известный собиратель Чириако де Пицциколи д'Анкона, отметил Корелин, впервые воспользовался монументальными памятниками, как историческим источником, в своей работе о знатных римских фамилиях, а Пьетро Кандидо Дечембрио в неизданной трилогии «*Peregrina historia*» составил первое сочинение по римским государственным древностям («*De muniribus reipublicae*») и сделал попытку поставить в связь науку о классических древностях с другими науками⁶⁴.

⁶² Конский. 1899. С. 118.

⁶³ Герье. 1900б. С. 491.

⁶⁴ Корелин. 1895б. С. 116-130.

На кафедре всеобщей истории, куда, напомним, был переведен Корелин в качестве третьего преподавателя, ему пришлось «взять на себя дополнительные предметы на старших или специальных курсах»⁶⁵ исторического отделения. Среди них – курс истории Римской империи, который он читал в 1892–1898 гг. 6 раз, доведя политическую историю до Марка Аврелия включительно⁶⁶. Оценивая его, Герье обращал внимание на то, что Корелин «видел в истории Римской Империи эпоху культурного кризиса, борьбу двух мировоззрений, аналогическую той, которую представляла эпоха гуманизма – только в противоположном направлении. Как там его сочувствие было на стороне гуманизма, так здесь оно было на стороне христианства. Особенно тщательно отделано влияние христианства на семью»⁶⁷.

Корелин не ограничивался в университете чтением лекций, ведя еще и семинарские занятия. «В его живой личности, – пояснял Герье, – коренилось желание сблизиться со студентами, повлиять на их занятия и развитие»⁶⁸. Предметом семинария выбиралась какая-то одна, требующая продолжительного изучения, тема.

Один из участников сохранил воспоминание о семинарии по римской истории: «мы целое полугодие занимались изучением истории принципата императора Тиберия. Момент чрезвычайно любопытный и поучительный. Тогда уже окончательно определилось, что создание принципата или власти императорской не было случайностью, не было произведением личной воли одного лица, а явилось следствием современных общественных условий; эти же особенные условия самым характерным образом отразились на внутреннем воспитании и развитии такой любопытной и в психологическом, и в историческом отношении, можно сказать, трагической личности, как сам император Тиберий. (М.С. прямо говорил, что на эту тему поэтически-талантливый человек мог бы написать прекрасную историко-психологическую драму, в духе Шекспира.) В качестве пособия при изучении, нам указаны были два сочинения о Тиберии: француза Бёле и немца Штара, – сочинения во многих отношениях разнохарактерные, смотрящие на предмет с различных точек зрения. Чтобы разобраться в спорных вопросах, приходи-

⁶⁵ Герье. 1900б. С. 478. Герье указывает, что на I и II курсах читались общие курсы всеобщей истории (8 часов неделю), не поясняя при этом, что они были заняты Виноградовым (Греция и средние века) и самим Герье (Рим и новое время).

⁶⁶ См.: Корелин. 1896.

⁶⁷ Герье. 1900б. С. 479.

⁶⁸ Там же. С. 480.

лось обратиться к первоисточникам, без чего собственно и невозможна самостоятельная работа. Насколько позволяло время, в связи с разработкой главной темы, мы проштудировали текст важнейших римских писателей-историков эпохи империи: Тацита, Светония, Веллея Патеркула, Диона Кассия»⁶⁹.

Из всего вышесказанного становится понятным, что привлечение Корелина для работы в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона не выглядит случайным. В процессе формирования команды редактор исторического отдела Кареев исходил не только из личной симпатии, каковая, конечно, имела место, но и из специализации будущих авторов. В «Словаре» Корелин выступил как автор, по меньшей мере, 60 статей (в «Списке сотрудников...» его фамилия фигурирует с 10 по 52 полумом), не только по истории Ренессанса (первая публикация «Валла, Лоренцо» в 9-м полумоме – именно с него начал Кареев подбор авторов и редактирование статей по истории), но и по той части античной истории, где он был особенно сведущ. Мы насчитали 12 биографий римских императоров: Грациана (в 18 полумоме), Домициана (в 20-м), Максенция, Максимиана, Максимиана, Максима (все в 35-м), Нервы, Нерона (обе в 40-м), Отона (в 43-м), Пертинакса, Песценния (обе в 45-м) и Проба (в 49-м). В этих кратких, но емких заметках Корелин дает оценку императорам прежде всего с точки зрения вклада в культурное развитие, а также указывает на отношение к христианской религии. Показательна в этом смысле характеристика Грациана: «Набожный без ханжества, он понимал искусство, любил светские удовольствия, особенно охоту. <...> Он определил, какое жалование города должны уплачивать своим учителям грамматики и риторики, и вновь разрешил в Африке раньше запрещенные состязания атлетов»⁷⁰.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет биография Домициана, в которой Корелин отходит от традиции изображения своего героя исключительно в негативных тонах и отмечает, что тот «заботился также о постройках, реставрировал уничтоженные пожаром здания и воздвигал новые храмы. К науке и литературе, если она не заключала в себе оппозиционного духа, <...> относился благосклонно; <...> сам сочинял стихи, покровительствовал Стацию и Марциалу, устраивал на Капитолии состязания между писателями, на манер

⁶⁹ *Иванцов*. 1899. С. 143. В отрывке упоминаются книги историков Шарля-Эрнеста Бёле (1826–1874) и Адольфа Штара (1805–1876). См.: Beulé Ch.-E. Tibère et l'héritage d'Auguste. Paris, 1868; Stahr A. Tiberius. Berlin, 1863.

⁷⁰ ЭСБЕ. Пт. 18. С. 578.

Олимпийских игр, восстановил сгоревшую библиотеку и пополнял ее копиями с находившихся в Александрии рукописей»⁷¹.

Последняя по времени коммуникация историков по поводу античной истории связана с обсуждением возможного участия Корелина в написании книг для коллекции «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время», редактируемой Кареевым. Отвечая Карееву на предложение поучаствовать в проекте, Корелин, ощущавший к этому времени симптомы серьезной болезни, писал о возможности включения в план книги о римских папах, впоследствии о Возрождении. «В крайнем случае, – отмечал он далее, – я мог бы составить историю Римской империи, но без большой охоты»⁷². Уже после смерти Корелина Кареев, в память о своем московском приятеле и коллеге, переиздал в рамках указанной серии «Падение античного мирозерцания» (об этом уже говорилось) и «Важнейшие моменты в истории средневекового папства»⁷³ (СПб., 1901).

Преждевременная смерть московского коллеги, последовавшая 4 января 1899 г. («получил огорчившую меня весть о смерти Корелина, с которым я был так тесно связан в течение целой четверти века»⁷⁴), стала для Кареева, только-только оправившегося от последствий серьезной болезни тяжелым ударом. 29 января 1900 г. Кареев принял участие в публичном заседании Исторического Общества при Московскую университете, посвященном памяти покойного и выступил с речью о трудах Корелина по гуманизму. Обозреватель «Исторического вестника» так обозначил главный тезис его доклада: «Сам истинный гуманист в душе, М.С. живо увлекался лучшими стремлениями итальянских гуманистов, придавал большое значение их индивидуальной деятельности на защиту свободы мысли и личности <...> видел в гуманистах предшественников современных интеллигенции, которая однако выработала себе два новых начала: служения народу и признания прогресса культуры»⁷⁵.

⁷¹ ЭСБЕ. Пт. 20. С. 960. На эту особенность восприятия античности Корелиным обратил внимание Кареев: «Культурному элементу К[орелин] отводит много места и в своем университетском преподавании» (ЭСБЕ. Пт. 31. С. 226).

⁷² Письмо М.С. Корелина Н.И. Карееву от 22 сентября [1898 г. по почтовому штемпелю] // НИОР РГБ. Ф. 119. Ед. хр. 44. Л. 20. Напомним, что к этому времени Корелин имел опыт преподавания римской истории в Московском университете и издал литографированные лекции, которые при желании могли бы лечь в основу обсуждаемой книги.

⁷³ Корелин. 1901.

⁷⁴ Кареев. 1990. С. 203.

⁷⁵ См.: Московское историческое общество. С. 1228.

После смерти Корелина его творчество несколько раз становилось предметом рефлексии Кареева. О памятной речи «М.С. Корелин как историк гуманизма» и предисловии к «Падению античного мирозерцания» мы уже говорили. В одном из типологических курсов Кареев, поясняя, что не может, в силу характера книги, дать общего очерка «истории религиозного сознания в Римской империи во всех его важнейших проявлениях, с психологическими основами происходивших в нем перемен и с культурными результатами последних», и поэтому касается «лишь тех сторон этого <...> вопроса, которые имеют отношение к <...> значению религии в Римской империи с чисто политической точки зрения»⁷⁶, отсылает читателя для выяснения подробностей к корелинскому «Падению античного мирозерцания». Ко второму изданию «Раннего итальянского гуманизма» Кареев написал предисловие, снабдив его библиографическим указателем⁷⁷.

В нескольких теоретических трудах Н.И. Кареева содержатся ссылки на работы покойного московского профессора⁷⁸. Статья Кареева о Корелине в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона⁷⁹ представляет собой расширенную версию публикации в «старом» «Словаре». Краткая характеристика Корелина как ученика Герье приведена в некрологе последнего: «Я знал Корелина еще в бытность его гимназистом, увлекавшимся историей духовной культуры, которой и посвящена капитальная его работа "Ранний итальянский гуманизм". И Герье, с своей стороны, вероятно, считал его наиболее близким к себе учеником. По кончине Корелина он устроил в память его торжественное заседание, на котором очень и очень тепло говорил о нем, и на котором и мне предложил помянуть покойного оценкой его труда о гуманизме. Корелин преподавал и на женских курсах и был профессором университета, все более и более делаясь в своей работе духовным культурником»⁸⁰. Упомянут Корелин и в «Отчете о русской исторической науке», подготовленного Кареевым по заданию редакции «Revue historique»⁸¹.

⁷⁶ Кареев. 1904. С. 334.

⁷⁷ Корелин. 1914. С. XXIX-XXXI.

⁷⁸ См.: Кареев. 1900а. № 12. С. 4–5; Кареев. 1903. С. 150; Кареев. 1913. С. 310; Кареев. 1915. С. 261-262.

⁷⁹ НЭС. Т. 22. С. 750-751.

⁸⁰ Кареев. 1921. С. 161.

⁸¹ Кареев. 1994. С. 151. Здесь московский историк упомянут как ученик Герье и как автор книги по истории гуманизма, уникальной «по своему охвату всей литературе, посвященной итальянскому Ренессансу»

В переписке с Н.П. Корелиной, Кареев неоднократно вспоминал о дружбе с московским коллегой. Так, 1 сентября 1923 г. он сообщал: «Пишу свои мемуары, где найдут свое место и воспоминания о Корелиных. В прошлом году я нашел у себя письма ко мне от Мих. Серг. Сохранились ли мои письма к нему?»⁸² Через пять лет, когда мемуары уже были написаны, Кареев в письме от 21 сентября 1928 г. вновь поднимает эту же тему: «Я предпринял пересмотр накопившихся у меня рукописей, писем и всякой бумаги и наткнулся на письма ко мне от Мих. Серг., которые я и отложил в сторону. Пока, конечно, храню их у себя, а потом что с ними делать? У Вас нет собрания писем М.С. к разным лицам? С интересом пробежал бы некоторые из этих писем»⁸³. Не исключено, что он собирался писать книгу или статью о Корелине.

Наконец, в письме от 31 декабря 1930 г., Кареев, повествуя о несправедливой критике «буржуазных историков Запада в СССР», прозвучавшей в обществе историков-марксистов⁸⁴ и вспомнив при этом Корелина, еще раз попытался воспроизвести в памяти в московский период жизни: «Точно когда я с ним познакомился, не помню; должно быть в 1874 или 1875, когда он был еще гимназистом чуть ли не шестого класса» и далее: «будь он (Корелин – В.Ф.) жив, Лукин (историк-марксист, выступавший с докладом о «буржуазных историках» – В.Ф.) и его записал бы во вредители»⁸⁵.

Предпринятый анализ коммуникации двух учеников Герье, в известной мере расширяет представления о вкладе обоих ученых в развитие отечественного антиковедения. Кроме того, многообразие выявленных коммуникативных практик: вербальной (межличностный диалог и эпистолярная), когнитивно-рефлексивной (рецензирование и цитирование), ретроспективной (некрологи и мемуары) позволяет воспроизвести социокультурный контекст генезиса, трансмиссии, диффузии и бытования идей как в рассматриваемый, так и последующие периоды.

⁸² ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 113 об.-114. В «Прожитом и пережитом» Корелины упоминаются неоднократно. См.: Кареев. 1990. С. 136, 137, 138, 141, 143, 172, 202, 248.

⁸³ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 107 об. Переписка Кареева с Корелиным, продолжалась с 1876 по 1899 гг. См.: ЦИАМ. Ф. 2202 (М.С. Корелин). Оп. 1. Ед. хр. 48-122; Оп. 2. Ед. хр. 10-18; Оп. 3. Ед. хр. 3; НИОР РГБ. Ф. 119 (Н.И. Кареев). Оп. 16. Ед. хр. 35-44. Заметим, что мемуары «Прожитое и пережитое» к этому времени уже были написаны, и переписка могла понадобиться Карееву для написания работы о Корелине.

⁸⁴ Подробнее см.: Буржуазные историки Запада в СССР. 1931.

⁸⁵ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 117 об.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беркут В.Н.* [Диспут М.С. Корелина] // Историческое Обозрение. Т. V. СПб., 1892. С. 191–198.
- Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века (Материалы). Ч. II. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 223 с.
- Бузескул В.П.* Профессор-гуманист (Памяти М.С. Корелина) // Помощь евреям, пострадавшим от неурожая. Литературно-художественный сборник. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1901. С. 23–29.
- Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.). Открытое заседание методологической секции от 18 декабря 1930 г. // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 44–86.
- В тени великих: образы и судьбы / Отв. ред. Л.П. Репина. СПб.: «Алетейя», 2010. 400 с.
- Герье В.И.* М.С. Корелин. Биографический очерк // Вестник Европы. 1900. № 9. С. 307–315.
- Герье В.И.* Михаил Сергеевич Корелин // Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1900 года. М.: Университетская тип., 1900. С. 467–511.
- Иванцов М.А.* М.С. Корелин как профессор и руководитель студенческих занятий // Русская мысль. 1899. Кн. X. С. 137–148.
- Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной М.: Аквилон, 2014. 848 с.
- Каган Ю.М.* И.В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность. М.: Наука, 1987. 192 с.
- Кареев Н.И.* [Рец. на кн.:] Корелин М.С. Падение античного мирозерцания (Культурный кризис в Римской империи). СПб., 1895 // Новое слово. 1896. № 4. С. 19–20.
- Кареев Н.И.* Историология. Пг.: тип. М.М. Стасюлевича, 1915. 320 с.
- Кареев Н.И.* Итальянский гуманизм и новый его исследователь // Вестник Европы. 1892. № 8. С. 441–466, № 9. С. 5–31, № 10. С. 541–565.
- Кареев Н.И.* Книга г. Гревса о римском землевладении // Русское богатство. 1900. № 11. С. 1–27, № 12. С. 1–20.
- Кареев Н.И.* М.С. Корелин как историк гуманизма // Русская мысль. 1900. Кн. V. С. 100–112.
- Кареев Н.И.* Монархии древнего Востока и греко-римского мира. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 395 с.
- Кареев Н.И.* Общий ход всемирной истории. СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1903. 303 с.
- Кареев Н.И.* Отзыв о сочинении проф. Корелина «Ранний итальянский гуманизм и его историография» // Отчет о VI присуждении Академией Наук премий митрополита Макария в 1895 г. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1896. С. 97–126.
- Кареев Н.И.* Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926) // Отечественная история. 1994. № 2. С. 136–154.
- Кареев Н.И.* Очерки Возрождения (Renaissance) // Филологические записки. 1875. Вып. VI. С. 1–38.
- Кареев Н.И.* Памяти двух историков // Анналы. № 1. С. 155–174.
- Кареев Н.И.* Предисловие // Корелин М.С. Падение античного мирозерцания. СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1901. С. III–VIII.

- Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подг. текста, вступ. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 384 с.
- Кареев Н.И.* Теория исторического знания (Историка). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 320 с.
- Конский П.А.* М.С. Корелин (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1899. № III. С. 115–125.
- Корелин М.С.* Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1901. 169 с.
- Корелин М.С.* Искусство и действительность (Исторические замечания) // Русская мысль. 1889. № 4. С. 62–73.
- Корелин М.С.* Культурный кризис в Римской империи // Русская мысль. 1892. № 6. С. 57–68; № 7. С. 1–12; № 9. С. 62–85; № 10; С. 37–61; № 11. С. 1–24; № 12. С. 1–23.
- Корелин М.С.* Лекции по истории Греции за 1884/5 год. Sine loco et anno [М., 1899]. 399 с. Литогр.
- Корелин М.С.* Лекции по истории искусств на Востоке и в Греции, читанные в 1888/9 г. Т. 2. Весеннее полугодие 1889 г. Искусство в Греции. М.: Лит. А.Е. Тяжелова, [1899]. 553 с.+102 л. илл.
- Корелин М.С.* Лекции по истории Римской империи, читанные в 1895/96 acad. г. М.: Лит. О-ва распротр. пол. кн., [1896]. 258 с.
- Корелин М.С.* Падение античного мирозерцания (Культурный кризис в Римской империи). СПб.: О.Н. Попова, 1895. 161 с.
- Корелин М.С.* Падение античного мирозерцания (Культурный кризис в Римской империи). Изд. 2-е. СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1901. 169 с.
- Корелин М.С.* Падение античного мирозерцания (Культурный кризис в Римской империи). СПб.: Коло, 2005. 190 с.
- Корелин М.С.* Первые шаги классической археологии // Труды IX Археологического съезда. Т. I. М., 1895. С. 116–130.
- Корелин М.С.* Предисловие редактора перевода // Буасье Г. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке / Пер. с фр. под ред. и с предисл. М.С. Корелина. М.: К.Т. Солдатенков, 1892. С. I–XXII.
- Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1892. Вып. 1–2. 1087 с.
- Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Т. I. 2-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. 270 с.
- Корелина Н.П.* Моя полувековая дружба с Николаем Ивановичем Кареевым [1931] // ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 4. Ед. хр. 3. Лл. 1–6 об.
- Корелина Н.П.* Моя полувековая дружба с Николаем Ивановичем Кареевым / Публ. и комм. В.А. Филимонова // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 10. 2008. С. 427–433.
- Любавский М.К.* М.С. Корелин как преподаватель средней школы (По воспоминаниям его учениц) // Русская мысль. 1899. Кн. X. С. 124–136.
- Московское историческое общество // Исторический вестник. 1900. № 3. С. 1228.
- Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке. Казань: Изд. Казанского ун-та, 2000. 298 с.

- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (в тексте – НИОР РГБ).
- Новый энциклопедический Словарь. СПб.-Пг.: Тип. Акц. О-ва Издательское дело б. Брокгауз-Ефрон. [1911–1916]. Т. 1–29 (в тексте – НЭС).
- Письма М.С. Корелина В.И. Герье / Вступ. ст., публ. и коммент. Д.А. Цыганкова // История и историки: историографический вестник. М.: Наука, 2005. С. 298–361.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Репина Л.П., Мягков Г.П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. 2014. Выпуск 3. С. 137-142.
- Сафронов Б.Г. Вопросы исторической теории в работах М.С. Корелина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 152 с.
- Скворцова Т.Н. В.И. Герье и М.С. Корелин // Средневековый город. Саратов, 2006. Вып. 17. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9644/15.pdf>.
- Скворцова Т.Н. М.С. Корелин: путь к ренессансу // Биография как вид исторического исследования. Тверь: Твер. ун-т, 1993. С. 166–172.
- Слава и забвение: парадоксы биографики / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Алетейя», 2014. 544 с.
- Соловьев В.С. М.С. Корелин († 3 января 1899 г.) // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. 2-е изд. Т. IX. СПб.: Книгоизд товарищество «Просвещение», 1913. С. 418–419.
- Тимонова С.К. Из «Воспоминаний курсистки» // Владимир Иванович Герье и Московские Высшие женские курсы: мемуары и документы. М.: Московский педагог. гос. ун-т, 1997. С. 135–144.
- Тихомирова О.В. Михаил Сергеевич Корелин (1855–1899) // Портреты историков. М.: Наука, 2004. Т. 3: Древний мир и Средние века. С. 513–531.
- Центральный исторический архив Москвы (в тексте – ЦИАМ).
- Шкуринова Ю.П. Эстетические взгляды Михаила Сергеевича Корелина. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1986.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 82 тт. и 4 доп. тт. СПб.: АО «Ф.А. Брокгауз–И.А. Ефрон», 1890–1907 (в тексте – ЭСБЕ).

BIBLIOGRAFIJA

- Berkut V.N. [Disput M.S. Korelina] // Istoricheskoe Obozrenie. T. V. SPb., 1892. S. 191–198.
- Buzeskul V.P. Vseobshhaja istorija i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka (Materialy). Ch. II. L.: Izd-vo AN SSSR, 1931. 223 s.
- Buzeskul V.P. Professor-gumanist (Pamjati M.S. Korelina) // Pomoshh' evrejam, postradavshim ot neurozhaja. Literaturno-hudozhestvennyj sbornik. SPb.: Tip. Isidora Gol'dberga, 1901. S. 23–29.
- Burzhuznyje istoriki Zapada v SSSR (Tarle, Petrushevskij, Kareev, Buzeskul i dr.). Otkrytoe zasedanie metodologicheskoi sekcii ot 18 dekabrja 1930 g. // Is-torik-marksist. 1931. T. 21. S. 44–86.
- V teni velikih: obrazy i sud'by / Otv. red. L.P. Repina. SPb.: «Aletejja», 2010. 400 s.
- Ger'e V.I. M.S. Korelin. Biograficheskij ocherk // Vestnik Evropy. 1900. № 9. S. 307–315.

- Ger'e V.I. Mihail Sergeevich Korelin // Rech' i otchet, chitannyye v torzhestvennom sobranii Imperatorskogo Moskovskogo universiteta 12-go janvarja 1900 goda. M.: Universitetskaja tip., 1900. S. 467–511.
- Ivancov M.A. M.S. Korelin kak professor i rukovoditel' studencheskih zanjatij // Russkaja mysl'. 1899. Kn. X. S. 137–148.
- Idei i ljudi: intellektual'naja kul'tura Evropy v Novoe vremja / Pod red. L.P. Repinojju M.: Akvilon, 2014. 848 s.
- Kagan Ju.M. I.V. Cvetaev. Zhizn'. Dejatel'nost'. Lichnost'. M.: Nauka, 1987. 192 s.
- Kareev N.I. [Rec. na kn.:] Korelin M.S. Padenie antichnogo mirosozercanija (Kul'turnyj krizis v Rimskoj imperii). SPb., 1895 // Novoe slovo. 1896. № 4. S. 19–20.
- Kareev N.I. Istorilogija. Pg.: tip. M.M. Stasjulevicha, 1915. 320 s.
- Kareev N.I. Ital'janskij gumanizm i novyj ego issledovatel' // Vestnik Evropy. 1892. № 8. C. 441–466, № 9. C. 5–31, № 10. C. 541–565.
- Kareev N.I. Kniga g. Grevsa o rimskom zemlevladienii // Russkoe bogatstvo. 1900. № 11. S. 1–27, № 12. S. 1–20.
- Kareev N.I. M.S. Korelin kak istorik gumanizma // Russkaja mysl'. 1900. Kn. V. S. 100–112.
- Kareev N.I. Monarhii drevnego Vostoka i greko-rimskogo mira. SPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1904. 395 s.
- Kareev N.I. Obshhij hod vseмирnoj istorii. SPb.: Tip. Akc. Obshh. Brokgauz-Efron, 1903. 303 s.
- Kareev N.I. Otvzov o sochinenii prof. Korelina «Rannij ital'janskij gumanizm i ego istoriografija» // Otchet o VI prisuzhdenii Akademiej Nauk premij mitro-polita Makarija v 1895 g. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1896. S. 97–126.
- Kareev N.I. Otchet o russkoj istoricheskoj nauke za 50 let (1876–1926) // Otechestvennaja istorija. 1994. № 2. S. 136–154.
- Kareev N.I. Oчерki Vozrozhdenija (Renaissance) // Filologicheskie zapiski. 1875. Vyp. VI. S. 1–38.
- Kareev N.I. Pamjati dvuh istorikov // Annaly. № 1. S. 155–174.
- Kareev N.I. Predislovie // Korelin M.S. Padenie antichnogo mirosozercanija. SPb.: Tip. Akc. Obshh. Brokgauz-Efron, 1901. S. III–VIII.
- Kareev N.I. Prozhitoe i perezhitoe / Podg. teksta, vstup. st. i komm. V.P. Zolotareva. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1990. 384 s.
- Kareev N.I. Teorija istoricheskogo znanija (Istorika). CPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1913. 320 s.
- Konskij P.A. M.S. Korelin (Nekrolog) // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija (ZhMNP). 1899. № III. S. 115–125.
- Korelin M.S. Vazhnejšie momenty v istorii srednevekovogo papstva. SPb.: Tip. Akc. Obshh. Brokgauz-Efron, 1901. 169 s.
- Korelin M.S. Iskusstvo i dejstvitel'nost' (Istoricheskie zamechanija) // Russkaja mysl'. 1889. № 4. S. 62–73.
- Korelin M.S. Kul'turnyj krizis v Rimskoj imperii // Russkaja mysl'. 1892. № 6. S. 57–68; № 7. S. 1–12; № 9. S. 62–85; № 10; S. 37–61; № 11. S. 1–24; № 12. S. 1–23.
- Korelin M.S. Lekcii po istorii Grecii za 1884/5 god. Sine loco et anno [M., 1899]. 399 s. Litogr.

- Korelin M.S. Lekcii po istorii iskusstv na Vostoke i v Grecii, chitannye v 1888/9 g. T. 2. Vesennee polugodie 1889 g. Iskusstvo v Grecii. M.: Lit. A.E. Tjazhelova, [1899]. 553 s.+102 l. ill.
- Korelin M.S. Lekcii po istorii Rimskoj imperii, chitannye v 1895/96 akad. g. M.: Lit. O-va rasprostr. pol. kn., [1896]. 258 s.
- Korelin M.S. Padenie antichnogo mirosozercanija (Kul'turnyj krizis v Rimskoj imperii). SPb.: O.N. Popova, 1895. 161 s.
- Korelin M.S. Padenie antichnogo mirosozercanija (Kul'turnyj krizis v Rimskoj imperii). Izd. 2-e. SPb.: Tip. Akc. Obshh. Brokgauz-Efron, 1901. 169 s.
- Korelin M.S. Padenie antichnogo mirosozercanija (Kul'turnyj krizis v Rimskoj imperii). SPb.: Kolo, 2005. 190 s.
- Korelin M.S. Pervye shagi klassicheskoi arheologii // Trudy IX Arheologicheskogo s#ezda. T. I. M., 1895. S. 116–130.
- Korelin M.S. Predislovie redaktora perevoda // Buas'e G. Padenie jazychestva. Issledovanie poslednej religioznoj bor'by na Zapade v chetvertom veke / Per. s fr. pod red. i s predisl. M.S. Korelina. M.: K.T. Soldatenkov, 1892. S. I–XXII.
- Korelin M.S. Rannij ital'janskij gumanizm i ego istoriografija. M.: Tip. Je. Lissnera i Ju. Romana, 1892. Vyp. 1–2. 1087 s.
- Korelin M.S. Rannij ital'janskij gumanizm i ego istoriografija. T. I. 2-e izd. SPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1914. 270 s.
- Korelina N.P. Moja poluvekovaja družba s Nikolaem Ivanovichem Kareevym [1931] // CIAM. F. 2202. Op. 4. Ed. hr. 3. Ll. 1-6 ob.
- Korelina N.P. Moja poluvekovaja družba s Nikolaem Ivanovichem Kareevym / Publ. i komm. V.A. Filimova // Stavropol'skij al'manah Rossijskogo ob-shhestva intelektual'noj istorii. Vyp. 10. 2008. S. 427–433.
- Ljubavskij M.K. M.S. Korelin kak prepodavatel' srednej shkoly (Po vospomina-nijam ego uchenic) // Russkaja mysl'. 1899. Kn. X. S. 124–136.
- Moskovskoe istoricheskoe obshhestvo // Istoricheskij vestnik. 1900. № 3. S. 1228.
- Mjagkov G.P. Nauchnoe soobshhestvo v istoricheskoi nauke. Kazan': Izd. Kazanskogo un-ta, 2000. 298 s.
- Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj Gosudarstvennoj Biblio-teki (v tekste – NIOR RGB).
- Novyj jenciklopedicheskij Slovar'. SPb.-Pg.: Tip. Akc. O-va Izdatel'skoe delo b. Brokgauz-Efron. [1911–1916]. T. 1–29 (v tekste – NJeS).
- Pis'ma M.S. Korelina V.I. Ger'e / Vstup. st., publ. i komment. D.A. Cygankova // Istorija i istoriki: istoriograficheskij vestnik. M.: Nauka, 2005. S. 298–361.
- Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX-XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. M.: Krug#, 2011. 560 s.
- Repina L.P., Mjagkov G.P. Intellektual'naja kul'tura i nauchnye kommunikacii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija 5: Istorija i filologija. 2014. Vy-pusk 3. S. 137–142.
- Safronov B.G. Voprosy istoricheskoi teorii v rabotah M.S. Korelina. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 152 s.
- Skvorcova T.N. V.I. Ger'e i M.S. Korelin // Srednevekovyj gorod. Saratov, 2006. Vyp. 17. [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9644/15.pdf>.
- Skvorcova T.N. M.S. Korelin: put' k renessansu // Biografija kak vid istoricheskogo issledovanija. Tver': Tver. un-t, 1993. S. 166–172.

- Slava i zabvenie: paradoksy biografiki / Pod red. L.P. Repinoj. M.: «Aletejja», 2014. 544 s.
- Solov'ev V.S. M.S. Korelin († 3 janvarja 1899 g.) // Sobranie sochinenij Vladimira Sergeevicha Solov'eva. 2-e izd. T. IX. SPb.: Knigoizd tovarishhestvo «Prosvе-shhenie», 1913. S. 418–419.
- Timonova S.K. Iz «Vospominanij kursistki» // Vladimir Ivanovich Ger'e i Mos-kovskie Vysshie zhenske kursy: memuary i dokumenty. M.: Moskovskij peda-gog. gos. un-t, 1997. S. 135–144.
- Tihomirova O.V. Mihail Sergeevich Korelin (1855–1899) // Portrety istorikov. M.: Nauka, 2004. T. 3: Drevnij mir i Srednie veka. S. 513–531.
- Central'nyj istoricheskij arhiv Moskvy (v tekste – CIAM).
- Shkurinova Ju.P. Jesteticheskie vzgljady Mihaila Sergeevicha Korelina. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M., 1986.
- Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona v 82 tt. i 4 dop. tt. SPb.: AO «F.A. Brokgauz–I.A. Efron», 1890–1907 (v tekste – JeSBE). Znaniecki F. Stefan Czar-nowski. 1879-1937 // Twórcy socjologii polskiej. Łódź. 1976.

Филимонов Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета; klub-nica@yandex.ru

N. Kareev and M. Korelin: communication in the context of Greek-Roman discourse

‘Anthropological turn’ and the personalization of the subject of history – key trends of last decades – created a genre of intellectual biography interpreted by academic community as a synthesis of biographical, textual and socio-cultural analysis’. This integral approach makes it important to analyse a wide context that shaped and developed a worldview, and where academic activities of a subject of a study took place. The article examines the relationships between two outstanding Russian historians – N. Kareev and M. Korelin and broadens our ideas about both historians’ contributions into Russian study of antiquity. A variety of discovered communicative practices allows us to reproduce sociocultural context of genesis, transmission, diffusion and the existence of ideas.

Keywords: *N. Kareev, M. Korelin, scientific communication, Russian historiography of study of antiquity.*

Vladimir Filimonov, PhD in History, Associate Professor; Syktvykar State University, Institute for Human Sciences, Head of the Department of Public relations and Advertising; klub-nica@yandex.ru